

Г. Л. СОБОЛЕВ

КРИЗИС ИДЕОЛОГИИ АНТИКОММУНИЗМА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В АМЕРИКАНСКОМ СОВЕТОВЕДЕНИИ

«После появления марксизма каждая из трех великих эпох всемирной истории приносила ему новые подтверждения и новые триумфы. Но еще больший триумф принесет марксизму, как учению пролетариата, грядущая историческая эпоха»,¹ — писал в 1913 г. В. И. Ленин, глубоко уверенный в окончательной победе рабочего класса над буржуазией и в неизбежности социалистической революции. Великая Октябрьская социалистическая революция подтвердила правильность марксистско-ленинского учения, открыла новый период всемирной истории, положила начало неотвратимому историческому процессу перехода от капитализма к социализму, коренным революционным преобразованиям во всем мире. Социалистическая революция в России стала примером решения важнейших социальных проблем: свержения власти эксплуататоров и установления диктатуры пролетариата; превращения частной, буржуазно-помещичьей собственности в общественную, социалистическую; справедливого решения аграрного вопроса; освобождения зависимых народов от колониального и национального гнета; создания политических и экономических предпосылок построения социализма.

Великий Октябрь нанес жесточайший удар буржуазной идеологии, историческому идеализму, идеалистическому пониманию исторического процесса, показал полную несостоятельность объяснения великих исторических событий деятельностью выдающихся личностей, «героев», выявил решающую роль народных масс в истории, великую освободительную миссию рабочего класса. Оправиться от этого потрясения буржуазная идеология не может до сих пор, хотя она и не примирилась с утратой своих позиций. Реакционные представители буржуазной мысли ополчились против революции вообще и против социалистической рево-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 4.

люции в особености. Американский социолог Л. Карр сформулировал кредо буржуазной социологии и философии более чем определенно. «Революция, — писал он, — является самым расточительным и опасным типом социального изменения».²

Откровенная враждебность и люта я ненависть, с которой капиталистический мир встретил Октябрьскую революцию, теперь поражают даже его некоторых современных апологетов. Это они напоминают нам о том, что ведущая американская буржуазная газета «Нью-Йорк таймс» с по ября 1917 г. по по ябрь 1919 г. 91 раз сообщала о падении Советского правительства в России или о том, что оно вот-вот должно пасть.³ Конечно, в современных условиях, когда Октябрьская революция и социализм стали знаменем миллионов людей во всем мире, лишь наиболее реакционные представители буржуазной идеологии решаются выступить с подобного рода пророчествами. Теперь в своих попытках как-то объяснить сам факт почти шестидесятилетнего существования первого в мире социалистического государства и его превращения в крупнейшую промышленную державу в мире многие буржуазные философы, социологи, историки и политики готовы признать необходимость революции для России, но только в порядке исключения. «Оправдывает ли история революции? Это старый спор, — пишут авторы известной «Истории цивилизации» У. и Э. Дюрант. — В некоторых случаях устаревшие и негибкие институты, кажется, требуют насильственного низвержения, как в России в 1917 г. Но в большинстве случаев эффект, достигаемый революцией, очевидно мог бы наступить без нее, посредством постепенного действия экономических факторов».⁴

Весь ход мирового революционного процесса после 1917 г., грандиозные успехи СССР и социалистического лагеря в целом показали полную несостоятельность коренных догм буржуазного социального мировоззрения, вызвали глубокий кризис буржуазной идеологии. Оказавшись в состоянии глубокого кризиса, реакционная буржуазная идеология сделала своим оружием воинствующий антикоммунизм, основным содержанием которого стала фальсификация марксизма-ленинизма, извращение теории и практики строительства социализма и коммунизма, политики КПСС и братских компартий. Формы проявления антикоммунизма менялись в зависимости от времени и условий международной обстановки — от примитивной ненависти ко всему прогрессивному до более гибких и уточненных форм.⁵ В современных условиях, когда разрядка

² Carr L. *Analytical Sociology*. N. Y., 1955, p. 699.

³ Lasch Chr. *American Liberals and the Russian Revolution*. N. Y., 1962, p. 121.

⁴ Durant W. a. A. *The Lessons of History*. N. Y., 1968, p. 71.

⁵ Обстоятельную критику антикоммунизма см. в изд.: Антикоммунизм — враг человечества. (Материалы обмена мнениями марксистов ряда стран Европы, Америки, Азии и Африки). Прага, 1962; Новейшие приемы защиты старого мира. М., 1962; Мшвениерадзе В. В. Антикоммунизм — орудие обреченных. М., 1964; Против империалистической идеоло-

международной напряженности не только создает новую политическую ситуацию на мировой арене, но и воздействует на внутреннюю обстановку в капиталистических странах, усиливается кризис антикоммунизма, происходит известная модификация его традиционных форм. Идея «глобального антикоммунизма», господствовавшая в империалистической идеологии периода «холодной войны», ныне уступает место более современным приемам.

Отказавшись от грубых форм антикоммунизма, буржуазная социологическая мысль предлагает сегодня «типологию» политических систем, теорию «революции», «социального контроля», «единого индустриального общества», «конвергенции» и многое другое.⁶ Чтобы удержаться у власти, империалистическая буржуазия прибегает не только к насилию, но и во все более широких масштабах к идеологическим средствам воздействия на массы. Как отмечается в документе состоявшегося в Москве в июне 1969 г. Международного совещания коммунистических и рабочих партий, «...человечество вступило в последнюю треть нашего столетия в обстановке обострения исторического противоборства сил прогресса и реакции, социализма и империализма. Ареной этого противоборства является весь мир, все основные области общественной жизни — экономика, политика, идеология, культура».⁷

Идеологическая борьба приобрела особое значение в условиях резко возросшей роли народных масс и общественного мнения в международных отношениях.⁸ Противоборство социалистической и буржуазной идеологии на мировой арене отражает непримиримость классовых позиций пролетариата и буржуазии, противоположность двух социальных систем. Успехи СССР и социалистического лагеря в целом, глубокая жизненность идей марксизма-ленинизма

гии антикоммунизма. М., 1965; Критика идеологии антикоммунизма. М., 1965; Стратегия лжи. М., 1967; Антикоммунизм — орудие империалистической реакции. М., 1967; Ленинизм и борьба против буржуазной идеологии и антикоммунизма на современном этапе. М., 1970; Скворцов Л. В. Об особенностях кризиса современной буржуазной идеологии. М., 1970; Модрижнская Е. Д. Ленинизм и современная идеологическая борьба. М., 1972; Актуальные проблемы борьбы с антикоммунизмом. М., 1973; Бахитов М. Критика современных тенденций антикоммунизма. М., 1973; Современный антикоммунизм. Политика, идеология. Под ред. Ф. Рыженко и О. Рейнгольда. М., 1973; Шабад Б. А. Кризис идеологии антикоммунизма. М., 1973; Кортунов В. В. Идеология и политика. Битва идей и эволюция идеологической концепции антикоммунизма в 1950—1970 годах. М., 1974, и др.

⁶ См. об этом подробно: Шабад Б. А. Империализм и буржуазная социально-политическая мысль. М., 1969, с. 24—33.

⁷ Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 286.

⁸ Г. А. Арбатов справедливо пишет по этому поводу: «Это один из „феноменов“ современных международных отношений, вызвавший к жизни новые методы и инструменты внешней политики, выдвинувший на первый план новые задачи дипломатии, породивший новые направления внешнеполитической деятельности государств» (Арбатов Г. А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М., 1970, с. 4).

являются решающим фактором этой борьбы. Ныне «магистральный путь развития человечества определяют мировая социалистическая система, международный рабочий класс, все революционные силы».⁹ И потому тщетны попытки тех буржуазных идеологов, которые призывают «помочь другим обществам преодолеть опасный переходный период, не уступая коммунизму».¹⁰ Все новые миллионы людей во всем мире отдают свои симпатии социализму. И этот факт сегодня не могут отрицать представители буржуазной идеологии, не оставляя, разумеется, при этом своих попыток дискредитировать марксистское учение, дать свое объяснение причинам влияния идей марксизма-ленинизма на массы. Один из наиболее активных противников марксизма А. Мейер констатирует, что коммунистическая идеология «остаётся одной из самых могущественных и активных сил современного мира».¹¹ Профессор Гарвардского университета А. Улам предлагает «реалистически принять во внимание тот факт, что в критический момент перехода от доиндустриального общества к современному, по крайней мере частично индустриальному государству марксизм становится в определенном смысле идеологией этого общества и самым привлекательным средством решения его проблем».¹² Объясняя влияние идей марксизма-ленинизма на национально-освободительное движение, американский социолог И. Сайнаи замечает, что многие его деятели постоянно «отождествляли марксизм с русской революцией, с растущей силой и успехами Русского государства».¹³ Известный американский историк Т. Лауэ сокрушается по поводу того, что слабости и недостатки Запада находятся на поверхности, а вот слабости СССР «скрыты», и все замечают потому лишь его достижения.¹⁴

Видя свою задачу в том, чтобы выявлять эти «слабости», буржуазные идеологи предпринимают массированные атаки против марксистско-ленинского учения, против истории построения социализма в СССР и других социалистических странах. Одной из последних таких атак является 8-томная энциклопедия «Марксизм, коммунизм и западное общество», изданная в 1972—1973 гг. в США.¹⁵ Над этим многотомным трудом работали в течение 10 лет около 700 «специалистов» из 15 стран. И хотя редактор энциклопедии профессор Фрейбургского университета К. Керниг в своей вступительной статье уверяет, что предпринятое издание должно помочь лучшему взаимопониманию в будущем, содержа-

⁹ Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, с. 286.

¹⁰ Ulam A. The Unfinished Revolution. N. Y., 1960, p. 299.

¹¹ Meyer A. Communism. N. Y., 1963, p. 3.

¹² Ulam A. Unfinished Revolution, p. 10.

¹³ Sinai I. The Challenge of Modernization. N. Y., 1964, p. 187.

¹⁴ Laue T. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution. 1900—1930. Philadelphia, 1964, p. 222.

¹⁵ Marxism, Communism and Western Society. A Comparative Encyclopedia in 8 vols. N. Y., 1972—1973.

ние большинства статей не дает оснований для такого оптимизма, свидетельствуя еще раз об идейном тупике антикоммунизма.¹⁶

Несостоятельность буржуазной идеологии с каждым днем становится все очевиднее, несмотря на всевозможные ухищрения ее пропагандистов и их стремление представить дело иным образом. Характер современного исторического процесса свидетельствует о том, что «буржуазия уже не в состоянии выдвинуть идеи, которые могли бы увлечь за собою народные массы. Все больше людей в капиталистических странах порывают с буржуазным мировоззрением. Буржуазная идеология переживает глубокий кризис».¹⁷ Показательно, что сегодня далеко не все буржуазные философы, историки, социологи и политики разделяют идеологию антикоммунизма, многие из них, не будучи марксистами, выступают против философии мракобесия. В современном антикоммунизме находит свое выражение идеология и политика воинствующей реакционной буржуазии, стремящейся во что бы то ни стало отстоять отживший свой век капитализм.

Одним из проявлений кризиса буржуазной идеологии в целом и антикоммунизма в частности после второй мировой войны явилось возникновение на Западе так называемого советоведения. Будучи прежде всего порождением «холодной войны», это новое направление идеологии антикоммунизма самим фактом появления одновременно свидетельствовало о том, что империалистическая буржуазия не могла не считаться с возникшей мировой социалистической системой во главе с Советским Союзом, со стремительным ростом международного коммунистического движения, с резко возросшим интересом к коммунизму. «Я самый непримиримый враг коммунистической идеологии в мире, — заявил однажды бывший президент США Д. Эйзенхауэр, — но я убежден, что глупо притворяться, будто коммунизм не существует, или утверждать, что он не имеет большой притягательной силы для людей».¹⁸

Идейный тупик антикоммунизма после второй мировой войны, полная несостоятельность его исходных позиций наиболее отчетливо проявились в крайне противоречивом развитии американского советоведения, представляющего собой самое влиятельное направление буржуазной советологии в целом.¹⁹ С одной стороны,

¹⁶ Обстоятельный разбор этого издания см.: Игрицкий Ю. И. Еще одно свидетельство идейного бесплодия антикоммунизма. — Вопросы истории КПСС, 1975, № 6.

¹⁷ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1968, с. 51.

¹⁸ Цит. по: Боллингер К., Гейер Г. Идеологические аспекты глобальной стратегии США. — В кн.: Зарубежные марксисты против буржуазной идеологии. М., 1974, с. 229.

¹⁹ Обстоятельная характеристика американского советоведения дана в монографии Б. И. Марушкина «История и политика. Американская буржуазная историография советского общества». М., 1969, в кн.: «Критика буржуазной историографии советского общества». М., 1972, и др.

к исходу второй мировой войны многие американцы пришли к пониманию необходимости более глубокого изучения истории, экономики и политики России и Советского Союза. Как отмечает один из видных американских советоведов Ф. Мозли, «... к 1945 г. стало ясно, что Россия является одной из великих держав, с собственной могущественной системой, с огромным влиянием на мировую политику. Ученые и руководители академических учреждений понимали, что нам необходимо знать о России больше, изучать ее более интенсивно, более систематически, чем мы это делали прежде при изучении любой другой системы власти».²⁰ При этом некоторые из американских специалистов не могли впоследствии не признать, что в результате «широко распространенного отворачивания к коммунизму» и поверхностного изучения Советского Союза в 30-е гг. в США сложилось неправильное представление о слабости Советского государства, что «эксперты по делам России» также несут ответственность за сделанное в июне 1941 г. заявление начальника генерального штаба американской армии Дж. Маршалла о том, что СССР не сможет сдержать натиск фашистской Германии²¹

Однако в условиях начавшейся «холодной войны» и ухудшения американско-советских отношений, произошедшего в результате приятия США политики «сдерживания» коммунизма, рассчитывать на трезвый подход к изучению этой важной проблемы не приходилось. Американское советоведение пошло по уже давно проторенному пути грубой фальсификации истории и политики СССР, усиленно содействуя формированию искаженных представлений о Советском государстве и коммунизме в целом. Этому в значительной степени способствовала обстановка антикоммунистической истерии, связанной прежде всего с именем Дж. Маккарти, который, возглавляя самых оголтелых противников коммунизма, по выражению историка М. Гина, «представлял грозную силу в американской политике».²² В эпоху маккартизма, свидетельствует прогрессивный американский философ Г. Парсонс, «страна на несколько лет погружается в состояние параноидального страха. Большинство интеллектуалов молчит; большинство государственных учреждений и университетов требуют от своих служащих засвидетельствовать благонадежность».²³

Американское советоведение вполне доказало в тот период свою «благонадежность», сделав антикоммунизм первым и единственным требованием, предъявляемым к работам по истории и

²⁰ American Research on Russia. Ed. by H. Fischer. Bloomington, 1959, p. 21.

²¹ Curtiss J. Russian History in the United States. Vistas and Perspectives. — Canadian Slavonic Papers, 1970, vol. XII, N 1, p. 26—27.

²² Guhin M. John Foster Dulles. A Statesman and His Times. N. Y., 1972, p. 187—188.

²³ Парсонс Г. Ленин и философская мысль США. — Вопросы философии, 1970, № 3, с. 65—66.

политике СССР. Тесная зависимость американских «исследований» в этой области от американской политики «сдерживания» коммунизма теперь признается в той или иной форме и самими историками в США. Так, А. Улам пишет, что с позиции цинизма «атмосфера холодной войны делала ученых более смелыми в их суждениях» относительно Советского Союза.²⁴ Профессор Колумбийского университета М. Шульман, заявляя о стремлении современного американского советоведения, с одной стороны, к объективности и научному единству, а с другой — его готовности содействовать принятию «мудрых решений общественностью и правительством», вместе с тем признает, что «климат времени неизбежно влияет на уровень напряжения между этими двумя аспектами нашей деятельности».²⁵

Хотя опубликованная в США литература, посвященная периоду «холодной войны», довольно обширна, она носит, за редким исключением,²⁶ крайне тенденциозный характер, и американской историографии еще предстоит в полном объеме выяснить пагубное влияние реакционной антикоммунистической политики на развитие политической, общественной и научной мысли. Несомненно одно, что созданные или воскрешенные в тот период мифы о «советской опасности», «красной угрозе» и т. п. отнюдь не способствовали правильному пониманию американским народом советского общества.²⁷ Рассматривая политику реакционных кругов США, стремившихся во что бы то ни стало представить Советский Союз врагом Америки, американские социологи Л. Адлер и Т. Патерсон приходят к выводу, что эта политика имела своим результатом крайне искаженные представления в США относительно политики и идеологии в СССР.²⁸ «Кошмар красного фашизма, — пишут они, — вселял ужас в целое поколение американцев и оставил свой след на событиях холодной войны и ее поборниках».²⁹

²⁴ The State of Soviet Studies. Eds. by W. Laquer and L. Labeledz. Cambridge, 1965, p. 16.

²⁵ Shulman M. The Future of Soviet Studies in the United States. — Slavic Review, 1970, vol. 29, № 3, p. 585.

²⁶ Williams W. A. The Tragedy of American Diplomacy. N. Y., 1959 (Вильямс В. Э. Трагедия американской дипломатии. Пер. с англ. М., 1960); Fleming D. The Cold War and its Origins. 1917—1960, vol. I—II, N. Y., 1961.

²⁷ См. об этом: Арбатова Г. А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях; Яковлев А. П. Идеальная нищета апологетов «холодной войны». М., 1961; Висков О. И. Американские историки и публицисты о «холодной войне». — Повея и новейшая история. 1967, № 6; Дмитриев Б. США: политики, генералы, дипломаты. Четверть века политики «с позиции силы». М., 1971, и др.

²⁸ Adler L., Paterson Th. Red Fascism: the Merger of Nazi Germany and Soviet Russia in the American Image of Totalitarianism. 1930—1950. — American Historical Review, 1970, vol. 75, № 4, p. 1046—1049.

²⁹ Ibid., p. 1064.

Представители американского советоведения приняли самое деятельное участие в разработке внешнеполитических доктрин, направленных против лагеря социализма во главе с СССР. По американским данным, в 1953 г. в государственном аппарате США было 1085 «специалистов» по России и странам Восточной Европы, из них 217 историков, 213 специалистов в области политических наук, 205 экономистов и т. д.³⁰ В условиях антикоммунистической истерии «эксперты» по СССР были настолько смелы в своих суждениях, что пытались внушить американскому общественному мнению, будто большинство советского народа настроено против своего правительства и симпатизирует США (?!).³¹ Профессор Вашингтонского университета Р. Уайт в своем исследовании «Американское восприятие советского народа» называет сегодня этот вздорный миф «долго сохраняющимся и трудно умирающим заблуждением многих американцев». Он пишет, что «начиная с 1917 г., когда коммунисты пришли к власти и, вероятно, до середины 50-х гг. это заблуждение во многом содействовало жесткости воинствующей политики антикоммунизма таких американских политических деятелей, как Джон Фостер Даллес».³²

Плодовитость американского советоведения, завалившего книжный рынок своей продукцией, вызвала удивление многих западных специалистов. Констатируя беспрецедентный количественный рост литературы на Западе по истории России и СССР после второй мировой войны, директор Лондонского института современной истории У. Лакер пишет, что этот рост был особенно удивительным в США, где научные центры были «плохо подготовлены» для такого расширения исследований.³³ «К несчастью, — сокрушается У. Лакер, — этот количественный рост не всегда сопровождался таким же прогрессом в качественном отношении».³⁴

Однако количественная сторона продукции американского советоведения, как и ее низкое качество, не покажутся удивительными, если принять во внимание масштабы, сроки и характер подготовки специалистов в этой области, определяемые прежде всего политическими и идеологическими целям антикоммунизма. Если за 1946—1957 гг. в области изучения России и СССР специализировалось более 500 американцев, из которых около 80 получили степень доктора философии,³⁵ то в 1968 г. Американская ассоциация содействия славяповедению объединяла 2300 членов,

³⁰ См.: Новое время, 1960, № 47, с. 19.

³¹ См., например: Lyons E. Our Secret Allies. The Peoples of Russia. N. Y., 1954.

³² Attitudes, Conflict and Social Change. Eds. by B. King and M. McGinnies. N. Y.—London, 1972, p. 211.

³³ The State of Soviet Studies, p. 9.

³⁴ Ibid.

³⁵ The American Slavic and East European Review, 1959, vol. XVIII, № 3, p. 419.

в том числе около тысячи историков, большинство из которых работали в области истории России и СССР.³⁶ Многочисленные «центры по изучению России», созданные в США после второй мировой войны с финансовой помощью крупнейших монополий, обеспечили поток антикоммунистической литературы.

По данным на 1960 г., изучением Советского Союза в США занималось более 150 организаций. Помимо того, имелось 40 университетских кафедр советской экономики, 170 кафедр советской литературы. 23 кафедры по изучению внешней политики СССР.³⁷ Поистине американский размах!

С 1850 по 1950 г., т. е. за 100 лет, в американских университетах было защищено 250 докторских диссертаций о России и Советском Союзе, а с 1950 по 1965 г., т. е. за 15 лет, число таковых перевалило за тысячу.³⁸ Соответственно резко возрос и поток книжной продукции. Если за 1917—1945 гг. в США было издано более 200 книг об СССР,³⁹ то только за 1946—1959 гг. на эту тему было опубликовано свыше 100 монографий и множество журнальных статей.⁴⁰ Еще более стремительными темпами книжная продукция американского советоведения росла в 60-е годы. За 1956—1962 гг. в США было опубликовано около 9 тыс. книг и статей о России и Советском Союзе.⁴¹ Профессор университета штата Вашингтон Д. Тредголд, склонный на этом основании оптимистически оценивать развитие американского советоведения, писал в 1964 г., что в результате резкого расширения в США исследований советских проблем после второй мировой войны «количество и качество американских научных публикаций о России возросло почти в геометрической прогрессии»⁴² На самом же деле лавинообразный поток литературы по «советским проблемам» только доказывает ее пропагандистский характер и низкий научный уровень.

Характерно, что и некоторые представители американского советоведения не слишком обольщаются количественной стороной его развития, не усматривают прямой связи между количеством и качеством публикаций в США по истории и политике СССР. Про-

³⁶ Curtiss J. Russian History in the United States, p. 28.

³⁷ См.: Новое время, 1960, № 47, с. 16.

³⁸ The State of Soviet Studies, p. 9.

³⁹ American Views of Soviet Russia 1917—1965. Ed. by P. Filene. Homewood, 1968, p. XII. Видимо, в это число не вошла чисто пропагандистская литература. По сведениям Госдепартамента, только американские журналисты и корреспонденты, аккредитованные в СССР, за 1919—1952 гг. опубликовали около 700 книг о Советском Союзе (см.: Новое время, 1960, № 47, с. 17).

⁴⁰ The American Slavic and East European Review, 1959, vol. XVIII, № 3, p. 421.

⁴¹ См.: Russia and Soviet Union. A Bibliographic Guide to Western Language Publications. Chicago, 1965, p. VI.

⁴² The Development of the USSR. An Exchange of Views. Ed. by D. Treadgold. Seattle, 1964, p. XII.

фессор Ф. Шуман писал в 1957 г.: «Если бы уровень понимания русской действительности был пропорционален ошеломляющему числу книг и статей о Советском Союзе, опубликованных с 1917 г. на английском, французском и немецком языках, то все граждане и государственные деятели Атлантического сообщества были бы по-настоящему информированы в этом вопросе».⁴³ Занимая ведущее место в буржуазной советологии, американское советоведение поставляло львиную долю дезинформации относительно Советского Союза.

Последовательная борьба СССР и всего социалистического лагеря за мир и мирное сотрудничество, укрепление их экономического и оборонного могущества, несмотря на проводимую империалистическими кругами Запада политику «отбрасывания коммунизма», заставили политических деятелей США более трезво оценить изменившееся соотношение сил в мире, отказаться от многих мифов, которые формировались при активном участии американских советоведов. В 1956 г. бывший американский посол в СССР Дж. Кеннан, который, по мнению самих американцев, несет немалую ответственность за искаженную информацию американской общественности о Советском Союзе,⁴⁴ заявил, что попытки представить СССР как государство, только и помышляющее о нападении на Запад, «в значительной степени являются плодом западного воображения».⁴⁵ Директор Русского института при Колумбийском университете Г. Робертс в опубликованной в 1956 г. книге «Россия и Америка» сделал также весьма знаменательное заявление, в котором содержалось фактически признание неспособности антикоммунизма бороться сколько-нибудь эффективно с распространением идей марксизма-ленинизма, с утверждением социализма на земном шаре.⁴⁶

Обнаружившаяся с конца 50-х годов тенденция к более реалистической оценке «достижений» американского советоведения явилась прямым следствием грандиозных успехов Советского Союза и лагеря социализма в целом. Можно с полной определенностью указать на событие, послужившее поводом для пересмотра наиболее критически мыслящими политиками, социологами, философами и историками на Западе своего отношения к СССР,—запуск первого советского искусственного спутника.⁴⁷ «4 октября

⁴³ Schuman F. Russia since 1917. Four Decades of Soviet Politics. N. Y., 1957, p. VII.

⁴⁴ Adler L. a. Paterson Th. Op. cit., p. 1057.

⁴⁵ Kennan G. Overdue Changes in Our Foreign Policy. — Harper's Magazine, 1956, August, p. 27—33.

⁴⁶ Roberts H. Russia and America, Dangers and Prospects. N. Y., 1956, p. 60.

⁴⁷ Хотя со времени запуска первого советского спутника прошло уже почти 20 лет, оценка этого события по-прежнему волнует многих западных специалистов. В 1972 г. Б. Лоуэлл писал, что, узнав о запуске спутника в СССР, Запад оказался в состоянии травматического шока; советский спутник стал событием, которое было «прямой причиной

1957 г. первый искусственный спутник вышел на орбиту, — писал впоследствии известный американский специалист в области русского языка А. Пэрри. — Вопреки первоначальным ожиданиям это не было американское достижение. Это был советский сюрприз, и русское слово „спутник“ вошло в язык всех наций... Америка была ошеломлена и обеспокоена». ⁴⁸ Выступая почти сразу же после этого события в ноябре 1957 г. в Вашингтоне на заседании Комитета экономического развития, объединяющего виднейших американских бизнесменов, бывший заместитель министра обороны США В. Фостер заявил, что «необходимо положить конец мифу о том, что все американское превосходит остальной мир... Мы должны сделать решительное усилие поить другие народы и происходящие вокруг нас революции». ⁴⁹ Красноречивое, хотя и несколько запоздалое признание!

Успехи Советского Союза в освоении космоса так обеспокоили руководителей американской политики, что побудили их пересмотреть всю систему подготовки специалистов, ⁵⁰ и даже такая влиятельная в то время личность, как Джон Фостер Даллес, выступавший против всяких изменений в системе образования, не смог противодействовать новым тенденциям. ⁵¹ «Америка должна была догонять, — пишет в связи с этим А. Пэрри, — и прежде всего должна была изучать русский язык, несмотря на сложность и трудность овладения им, на этот раз действительно изучать». ⁵² Если в 1956/57-м учебном году только 173 американских колледжа и университета предлагали русский язык для изучения, то в 1960/61-м их число достигло уже 593. Число студентов, изучавших русский язык, в 1960 г. увеличилось по сравнению с 1958 г. почти вдвое и превысило 28 тыс. ⁵³

Начавшаяся в конце 50-х гг. в США переоценка СССР поколебала позиции американского советоведения, которое отнюдь не способствовало правильному пониманию американской общественностью советской истории, политики, экономики и науки. Тот факт, что от американского общественного мнения на протяжении длительного времени скрывали правду о Советском Союзе, вызвал горячее публичное обсуждение и осуждение. Президент университета штата Айова В. Ханчер, выступая в конце 1957 г., сказал: «На протяжении всех 40 лет со времени победы большевистской революции в октябре 1917 г. мы отравляли себя опиумом

революции в отношении к науке в США» (Lowell B. The Great Competition in Space. — Foreign Affairs. 1972, vol. 51, № 1, p. 125).

⁴⁸ Parry A. America Learns Russian. N. Y., 1967, p. 145.

⁴⁹ Soviet Progress VS. American Enterprise. N. Y., 1958, p. 124.

⁵⁰ Об этом пишет профессор Шеффилдского университета У. Армтейдж в своей книге «Русское влияние на английское образование» (Armstrong W. The Russian Influence on English Education. London, 1968, p. 108, a. o.).

⁵¹ Guhin M. John Foster Dulles. A Statesman and His Times, p. 311—312.

⁵² Parry A. America Learns Russian, p. 145.

⁵³ Ibid., p. 167.

надежды, что русский режим вот-вот падет. Тем самым нас уведили от интенсивного изучения России и русского коммунизма по следующим причинам: мы не рассчитывали на его долговечность; мы считали, что намного обогнали Россию и она никогда не сможет нас превзойти, мы боялись или по крайней мере некоторые из наших сограждан испытывали страх, что если американцам откроется доступ к марксистским доктринам, то они тотчас обратятся в коммунистов или в их последователей». ⁵⁴ Профессор Ф. Нил пришел в специальном исследовании к неутешительному заключению, что в США «неправильно оценивали почти все крупные явления и события в СССР начиная с большевистской революции». ⁵⁵

Весьма показательно, что именно в это время в США появляется ряд работ, в которых делается попытка проанализировать состояние исследований в области изучения Советского Союза. ⁵⁶ В 1957 г. профессор Колумбийского университета К. Мэннинг в работе «История славянских исследований в Соединенных Штатах Америки» признал, что в США в отношении к русской истории преобладала в прошлом тенденция к «поверхностным заключениям, составляющим полуправду». Осуждая подобного рода попытки, он предупреждал: «Мы должны помнить, что невежество и неосведомленность часто бывают лучше, чем неправильное знание. Проблема заключается не столько в том, что человек чего-то не знает, сколько в том, что знания его неверны». ⁵⁷ С этой точки зрения К. Мэннинг признал неудовлетворительную постановку преподавания в США курса современной истории. ⁵⁸ Правда, ведущие представители американского советоведения еще пытались уверить американское общественное мнение в том, что теперь они «способны создать надежную и систематическую основу знаний, относящихся к СССР». ⁵⁹ Определяя задачи американских исследований в области советских проблем, Ф. Мозли писал в 1959 г., что одна из таких задач состоит якобы в том, чтобы помочь американскому народу увидеть советское общество, систему власти

⁵⁴ Цит. по: Вельтов Н. Успехи социализма в СССР и их влияние на США. М., 1971, с. 61.

⁵⁵ Neal F. U. S. Foreign Policy and the Soviet Union. Santa Barbara, 1961, p. 7.

⁵⁶ Manning C. A History of Slavic Studies in the United States. Milwaukee, 1957; Ornstein J. The Development and Status of Slavic and East European Studies in America since World War II. — The American Slavic and East European Review. 1957, vol. XVI, № 3; American Research on Russia. Ed. by H. Fisher. Bloomington, 1959; American Teaching about Russia. Ed. by C. Black and J. Thompson. Bloomington, 1959; Black C., Byrnes R., Roberts H. a. o. An Appraisal of Russian Studies in the United States. — The American Slavic and East European Review. 1959, vol. XVIII, № 3.

⁵⁷ Manning C. Op. cit., p. 91.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ American Research on Russia, p. 65.

или экономики так, как они взаимодействуют в реальной жизни, увидеть их во взаимосвязи, в целом.⁶⁰

К сожалению, подобные декларации не отражали реального положения дел в американском советоведении и были продиктованы прежде всего стремлением сохранить влияние на американское общественное мнение, проявившее даже в условиях «холодной войны» острый интерес к Советскому Союзу. Антикоммунизм и антисоветизм, господствовавший в то время в американском советоведении, вызывал все больший отпор со стороны представителей передовой общественной мысли. Выступая против политики «холодной войны», прогрессивный американский философ Дж. Сомервилл в своем письме от 26 января 1959 г. в «Нью-Йорк таймс» писал: «Реалистично ли это? Социализм — теперь мощная мировая система, установившаяся у многих народов, которые рассматривают его как вполне законный образ жизни. Трудно наметить правильную линию поведения, если сомневаться относительно данных фактов». Известный историк В. Вильямс в своей книге «Трагедия американской дипломатии» весьма резонно спрашивал: «Не настало ли время прекратить разговоры о том, что все зло в мире исходит от Советского Союза и других коммунистических стран?»⁶¹

Рано или поздно с этим вынуждены были согласиться как представители американских правящих кругов, так и «эксперты по делам России». Член Верховного суда США У. Дуглас, выражая беспокойство по поводу успехов и усиливавшегося влияния Советского Союза, писал в 1960 г. в книге «Вызов Америке»: «Мы должны подвергнуть наши взгляды и стратегию решительной переоценке, в противном случае политический центр тяжести переместится далеко на Восток, а мощь коммунистического блока возрастет настолько, что мы окажемся в изоляции, в стороне от главной магистрали исторического развития».⁶² В этих условиях американское советоведение было поставлено перед необходимостью отказаться от грубых форм антикоммунизма, которые на фоне грандиозных достижений СССР все более дискредитировали «экспертов по советским проблемам». Экономист Р. Кэмпбелл, констатируя, в частности, полный провал американского подхода к анализу экономики СССР, признал в 1960 г., что «старая концепция советской плановой экономики как цепи ошибок потерпела крушение в результате очевидных фактов — потрясающих технических достижений, которые она смогла обеспечить... Наши старые представления повисли в воздухе, и теперь мы не знаем, как привести их в соответствие с новой для нас картиной».⁶³ И хотя такие ярые антикоммунисты, как Г. Кон, продолжали без

⁶⁰ Ibid., p. 10.

⁶¹ Williams W. The Tragedy of American Diplomacy, p. 305.

⁶² Douglas W. America Challenged. Princeton, 1960, p. 39.

⁶³ Campbell R. Soviet Economic Power. Its Organization, Growth and Challenge. Cambridge (Mass.), 1960, p. VIII.

устали твердить о превосходстве капиталистической системы, о неизбежности конфронтации двух систем и о невозможности разрядки международной напряженности,⁶⁴ не менее громко раздавались голоса, утверждавшие противоположное. «Сила и влияние коммунистического вызова, — отмечал О. Тейлор, — непосредственно связаны со слабостью нашей собственной цивилизации, политической и экономической системы, с современной культурой и моралью».⁶⁵

Бесперспективность и бесплодность реакционного антикоммунистического направления американского советоведения, обнаружившиеся сразу же после его возникновения, стали в 60-е гг. очевидным фактом и для его наиболее дальновидных представителей. В работах американских историков, социологов, философов, экономистов последних лет можно найти немало как критических суждений относительно низкого качества исследований в области советских проблем, так и сетований на невысокий профессиональный уровень специалистов, занимающихся изучением СССР. Показательно, что в американской литературе все чаще раздаются призывы к тем, кто занимается историей России и СССР, помнить, что «моральные и политические суждения постоянно вторгаются в объект их исследований и что они поступают мудро, если сначала подумают, а потом уже осудят».⁶⁶ Ратуя за такой подход, историк Т. Райхэ писал: «Мы на Западе все еще находимся под слишком сильным влиянием наших собственных ценностей и доктрин, чтобы беспристрастно взглянуть на системы, радикально отличающиеся от нашей».⁶⁷

Кризисное состояние буржуазного советоведения в целом и его ведущего американского направления в особенности стало предметом размышлений ведущих западных советологов в сборнике «Состояние исследований по советским проблемам», опубликованном в 1965 г.⁶⁸ Высказанные в этой книге суждения и оценки весьма противоречивы и отражают наметившиеся различные тенденции в современном буржуазном советоведении. Вряд ли кто из «столпов» реакционной американской советологии в разгар «холодной войны» предполагал, что пройдет не так уж много времени и в середине 60-х годов само слово «советология» будет употребляться с извинением и всевозможными оговорками. Используя этот термин, профессор А. Улам в статье «Несколько критических замечаний» сокрушается по этому поводу: «Ужасное слово, но как не употреблять его?».⁶⁹ Констатируя фактически

⁶⁴ См.: Current History, 1960, November, p. 267.

⁶⁵ Taylor O. The Classical Liberalism. Marxism and the Twentieth Century. Cambridge (Mass.), 1960, p. 88—89.

⁶⁶ Readings in Russian Civilization. Ed. by Th. Riha. Vol. III. Chicago—London, 1964, p. 503.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ The State of Soviet Studies.

⁶⁹ Ibid., p. 18.

неспособность «советологии» создать сколько-нибудь ценные работы, он пишет, что западный исследователь, обратившись к изучению истории СССР советского периода, встречается «с ни с чем несравнимыми опасностями и западями». Кто же преодолевает эти опасности? — «Это смелая натура, как правило, представитель политических наук или социолог в заимствованном паряде историка, который пускается в рискованное предприятие, в джунгли документов, личностей и имен». ⁷⁰ Улам не может уже обойти молчанием тот факт, что историки смотрят на советологов с недоверием и подозрением. «Наша история, — пишет он, — слишком современна... Что спасает нас, так это то, что на сегодня специалист по советским проблемам занимает прочное место в американском обществе». ⁷¹ «Существует широко распространенное мнение, что изучение современных проблем не является подходящим предметом для академического исследования», ⁷² — сожалеет У. Лакер, один из редакторов указанного выше сборника. Но именно в непомерно большом внимании к современным проблемам видит один из серьезных недостатков американского советоведения директор Русского и восточноевропейского института при Индианском университете профессор Р. Бирнс. «Возможно, самым опасным изъяном или слабостью, — пишет он в этом же сборнике, — является чрезмерное увлечение как в науке, так и в преподавании последними событиями». По мнению Бирнса, положение могло бы быть иным, если бы американское советоведение реагировало не только на современные события и не следовало традициям «холодной войны». ⁷³ При этом он ссылался на чрезмерное обилие американских работ по современной истории СССР ⁷⁴ и недостаточное внимание к более ранним периодам его истории, на основе изучения которых, по словам Бирнса, можно прийти к более глубокому пониманию истории и политики Советского Союза. ⁷⁵

С призывом обеспечить западные правительства и их народы правильной информацией об СССР и социалистическом лагере, пересмотреть грубо сконструированные концепции американского советоведения выступил в этом сборнике и профессор Мичиганского университета А. Адамс. «Такие теории, — заявил он, — со-

⁷⁰ Ibid., p. 17.

⁷¹ Ibid., p. 19.

⁷² Ibid., p. 10. Американский историк Р. Уорс также пишет о том неприятном для советологов факте, что «даже в период беспрецедентного бума в сфере исследований России до последнего времени, особенно в США, наблюдалось курьезное нежелание со стороны части профессиональных историков смело обратиться к изучению главного направления русской истории, то есть основных тем и сюжетов» (Warth R. On the Historiography of the Russian Revolution. — Slavic Review, 1967, vol. XXVI, № 2, p. 248).

⁷³ The State of Soviet Studies, p. 27.

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Ibid., p. 28.

здали советологии неслестную репутацию, выставив ее в качестве направления, сочетающего в своей постоянной практике безответственные домыслы и нелепое теоретизирование». ⁷⁶ Выступая за пересмотр старых концепций, американские советоведы признают, что значительно возросший в США интерес к истории, политике и культуре Советского Союза, расширение изучения русского языка и истории СССР в школах, колледжах и университетах способствуют более критическому отношению общественности к печатной продукции на эту тему. ⁷⁷ Иными словами, модернизация скучного идейного арсенала советоведения в США вызывается его стремлением шагать в погу со временем, сохранить свою роль в формировании американского общественного мнения относительно первой страны социализма в мире и социалистического лагеря в целом.

Наряду с признаниями кризиса американской «советологии» в сборнике «Состояние исследований по советским проблемам» были предприняты попытки обосновать необходимость и даже «эффективность» таких, мягко выражаясь, сомнительных областей исследований, как «кремленология». ⁷⁸ Но тот факт, что сегодня приходится выступать в защиту такого влиятельного в условиях «холодной войны» фактора идеологической обработки общественного мнения в США, как «кремленология», говорит о многом.

Прозвучавшая в этом сборнике оценка современного положения дел в американском советоведении может быть выражена в обобщенном виде мнением профессора А. Улама. Он пишет: «Исследование в области советских проблем в Соединенных Штатах является зеркалом американского общества... огромные денежные средства тратятся на исследования, которые часто ведут к потерям, но которые иногда создают количественную базу для улучшения качества». ⁷⁹ В самом деле, издержки американского буржуазного советоведения слишком велики и оно не поднялось выше превратного и тенденциозного толкования советской истории и действительности. Как пишет видный американский историк-коммунист Г. Аптекер, «общее чувство удивления охватывает огромные слои населения США, когда у них на глазах демонстрируются грандиозные технические достижения, несомненно отражающие высокий уровень образования, науки, техники и промышленного развития в Советском Союзе, что оказалось в вопиющем противоречии с преподносившейся американцам картиной отсталого, нищего, замученного и невежественного

⁷⁶ The State of Soviet Studies, p. 115—116.

⁷⁷ Ibid., p. 17.

⁷⁸ См., например: Conguest R. In Defence of Kremlinology. — The State of Soviet Studies, p. 124—134.

⁷⁹ Ibid., p. 23.

народа».⁸⁰ Даже профессор Флоридского университета Дж. Лейзен, не питающий симпатий к коммунистической идеологии, вынужден был признать, что многие американцы в результате неправильной информации имеют самые противоречивые представления о Советском Союзе и о коммунизме.⁸¹ Обращая внимание на растущую популярность коммунистических идеалов среди своих сограждан, Лейзен отмечает, что времена, когда инакомыслящих в США можно было просто объявить вне закона, теперь ушли в прошлое. Теперь, по его мнению, «для того, чтобы остановить распространение коммунизма, необходимо понять причины его существования и ликвидировать условия, благодаря которым он процветает», — нищету, социальную и расовую дискриминацию и т. п.⁸² Всемирно-исторические достижения социалистического строя, давшего трудящимся массам подлинную демократию, экономическое, социальное и культурное процветание народов, оказывают такое воздействие на ход международных событий, на борьбу рабочего класса и его союзников в капиталистических странах, что идеологи империалистической буржуазии в своей борьбе с коммунизмом не могут не учитывать эти достижения.

Идейный тупик, в котором с самого начала оказалось американское советоведение, ярко проявился в его подходе к проблеме истории Великого Октября, которые всегда привлекали повышенное внимание буржуазных историков. Этот интерес объясняется прежде всего тем, что современная эпоха — это эпоха перехода человечества к социализму, эпоха революционного обновления мира, начало которому было положено в октябре 1917 г. Социалистическая революция в России вызвала небывалый энтузиазм у миллионов рабочих, вселила в них веру в окончательную победу над эксплуататорами. «Пример социалистической Советской республики в России, — писал В. И. Ленин, — будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское, революционизирующее действие этого образца будет гигантским».⁸³ Это ленинское предвидение полностью оправдалось. Одна из старейших деятельниц коммунистического движения в США Э. Блур вспоминала впоследствии, что «большевистская революция сверкнула лучом надежды для всего мира. В шестой части земного шара рабочие встали у власти... Идеи социалистической революции вдохнули новую жизнь и надежду всем угнетенным».⁸⁴ Сегодня миллионы людей в различных частях земного шара строят новое, социалистическое общество, идут по пути, проложенному советским народом.

⁸⁰ Аптекер Г. О природе демократии, свободы и революции. Пер. с англ. М., 1970, с. 110—114.

⁸¹ Lensen G. The Soviet Union. An Introduction. N. Y., 1967, p. VII.

⁸² Ibid., p. 158.

⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 250.

⁸⁴ Bloog E. We are many. N. Y., 1940, p. 141—142.

Вот почему с первых же дней Октябрьской революции и до настоящего времени происходит ожесточенная идейно-политическая борьба вокруг исторической роли Великого Октября, международного значения опыта построения социализма в СССР. С самого начала в этой борьбе выявились две тенденции — пролетарская концепция Октября, содержащая правдивое и научное объяснение свершившейся в России социалистической революции, и буржуазная концепция, всецело направленная на дискредитацию в глазах широких народных масс первой в мире пролетарской революции.

В течение длительного времени преобладающей тенденцией в буржуазной историографии Октября было стремление к полному отрицанию закономерности социалистической революции в России и ее международного значения, стремление изобразить ее как чисто «русское явление», как «случайный» зигзаг в истории России, имевший якобы «фатальные» последствия для народов СССР.⁸⁵ Эти положения надолго стали аксиомой американского советоведения, которое всегда вело беспешые атаки против правды об Октябрьской революции и СССР. Прогрессивный американский философ Б. Данэм писал в 1959 г. в послесловии к русскому изданию своей книги «Человек против мифов»: «Вы должны понять, что каждому американцу вдалбливали в голову, что ваша великая революция породила тиранию еще больших размеров, чем та, которая была свергнута, и что, более того, эта новая „тирания“ ставит себе целью установление, страна за страной, господства над всем миром».⁸⁶

Однако в 60-е гг. в американской историографии Октябрьской революции наблюдается заметный отход от примитивных лобовых атак на историю Великого Октября, нестрога «точек зрения» на характер, причины и значение социалистической революции в России. Анализ работ американских историков за этот период свидетельствует о том, что произошли определенные сдвиги в их методах, в трактовке отдельных проблем, в характере аргументации. В них заметно стремление определить по-своему место русской революции в мировом историческом процессе, попытка высветить роль социальных и экономических факторов.

Эти новые моменты в американской историографии Октября отнюдь не означают, что буржуазные идеологи собираются сдавать свои позиции, хотя, бесспорно, и свидетельствуют о кризисе американского советоведения в целом. Сегодня острая идеологическая борьба происходит под огромным воздействием неоспоримых успехов мировой социалистической системы. И этого не могут не учитывать буржуазные историки, социологи и политики.

⁸⁵ См. об этом: Марушкин Б. И. История и политика, с. 160—189; Идейно-политическая борьба вокруг наследия Октября. — В кн.: Великий Октябрь и мировой революционный процесс. (50 лет борьбы рабочего класса во главе революционных сил современной эпохи). М., 1967, и др.

⁸⁶ Данэм Б. Человек против мифов. Пер. с англ. М., 1961, с. 290.

Но признание ими неизбежности революционных потрясений, захвативших сегодня мир, еще не означает, что они согласны с этим. Частный пересмотр и модернизация концепций Октябрьской революции, отход от примитивизма в борьбе с марксистской исторической наукой, усложнение аргументации — все это свидетельствует прежде всего о стремлении выработать новые формы и методы идеологической борьбы на современном этапе. На характере современной буржуазной литературы по истории Октября сказываются также и значительные достижения советской историографии. Глубокие исследования советских ученых по самым различным проблемам истории социалистической революции в России, в том числе и по тем, которые ранее западная историография считала своей монополией, значительно затруднили их фальсификацию реакционными буржуазными историками.

Наконец, нельзя не считаться с тем обстоятельством, что в 60-е гг. в США о себе заявило новое поколение историков, которое уже не хочет во всем соглашаться с официальным направлением американского советоведения, с господством концепций, выработанных еще в 20—30-е гг. русскими белоэмигрантами, стремится освободиться от представлений, сформировавшихся под влиянием «холодной войны».

Первым из американских буржуазных историков, кто в период «холодной войны» открыто выступил против официальной концепции советско-американских отношений в целом и русской революции в частности, был Вильям Вильямс.⁸⁷ В ряде своих работ⁸⁸ он подошел к оценке этих проблем с реалистических позиций и призвал к этому других. «Учитывая тот факт, что революция победила, — писал в 1959 г. Вильямс в своей книге «Трагедия американской дипломатии», — нам нужно выяснить направление и предел влияния марксистской революции на истоки образа действий царской России... Слишком легко забывают, — может быть, потому, что это удобно, — что революция привлекала и вдохновляла значительную часть русского общества... Но такая забывчивость, как и всякое потворство самому себе, опасна, ибо она ведет к неправильному пониманию нынешнего советского общества».⁸⁹

Нельзя сказать, что к трезвому голосу В. Вильямса сразу же прислушались американские «эксперты по делам России и Советского Союза». Но сама действительность, грандиозные успехи страны, где впервые победила пролетарская революция, заставляли буржуазных историков вносить коррективы в сложившиеся

⁸⁷ Подробно об этом см.: Степанова О. Л. Историки-«ревизионисты» о внешней политике США. — Вопросы истории, 1973, № 3.

⁸⁸ Williams W. A. American-Russian Relations. 1781—1947. N. Y., 1952; The Tragedy of American Diplomacy; American Intervention in Russia. 1917—1920. Boston, 1967.

⁸⁹ Вильямс В. Э. Трагедия американской дипломатии. Пер. с англ. М., 1960, с. 187—188.

рапее представления. Американская историография 60-х гг. уже не могла полностью игнорировать влияние Октябрьской революции на мировой революционный процесс. Вопрос об отношении американского общественного мнения к Октябрьской революции и Советской России встает в этот период с новой силой. В появившемся в эти годы ряде книг⁹⁰ проявились как откровенно антикоммунистические настроения, так и либеральные тенденции. Показательно, что некоторые историки, как например К. Лэш, не разделяя традиционной консервативной точки зрения американской историографии на вопрос о влиянии русской революции на коммунистическое и рабочее движение в США, в своих работах пытаются уйти в сторону от рассмотрения этой важной проблемы. В предисловии к своей книге «Американские либералы и русская революция» К. Лэш прямо заявляет: «Я не пытался определить влияние русской революции на американские реформистские движения, выявить специфические черты в истории этих движений, обусловленные влиянием революции. Может быть, русская революция одних привлекла к социализму и отпугнула других; может быть, оказала определенное влияние на рабочее движение — скажем, на забастовки в Сизтле в 1919 г. ... Но я не пытался выяснять эту связь...».⁹¹ Профессор университета Северной Каролины П. Филли, далекий от симпатий к русской революции и считающий, что ее идеалы якобы противоречат основным ценностям большинства американцев, тем не менее признает, что многие из его соотечественников восхищаются социальными достижениями Советского государства.⁹²

Отрицать сегодня огромное революционизирующее значение опыта Великого Октября не может даже буржуазная историография. Профессор Вашингтонского университета К. Витгофель писал в 1964 г., что «среди событий современной истории немного найдется таких, которые были бы равны по значению победе большевиков в 1917 г. и созданию Советского Союза».⁹³ Профессор Чикагского университета С. Ленз, констатируя враждебное отношение капиталистического мира к Октябрьской революции,

⁹⁰ Draper T. American Communism and Soviet Russia. N. Y., 1960; Srtakhovsky L. American Opinion about Russia 1917—1920. Toronto, 1961; Lasch Chr. The American Liberals and Russian Revolution. N. Y., 1962; Carroll E. Soviet Communist and Western Opinion 1919—1921. N. Y., 1965; Warren F. Liberals and Communism. The «Red Decade» Revisited. Bloomington, 1966; Westein J. The Decline of Socialism in America 1912—1925. N. Y., 1967; Filene P. Americans and the Soviet Experiment 1917—1933. Cambridge, 1967; American Views of Soviet Russia 1917—1965. Ed. by P. Filene. Homewood, 1968; Fried A. Socialism in America, N. Y., 1970; Bennet E. Recognition of Russia. Waltham, 1970, и др.

⁹¹ Lasch Chr. The American Liberals and the Russian Revolution, p. XIII.

⁹² American Views of Soviet Russia 1917—1965, p. IX.

⁹³ The Development of the USSR. An Exchange of Views, p. 323.

видит причину этого в том, что эта революция изменила «характер нашей эпохи».⁹⁴ Один из самых авторитетных в США специалистов по истории России Дж. Кеннан назвал русскую революцию «величайшим политическим событием XX века». «Даже те из нас на Западе, кто сомневается в советских успехах и выступает против методов, которыми они достигаются, должен признать, что за 50 лет мечта русской революции стала впечатляющей реальностью, неотъемлемой частью истории».⁹⁵

Кризис американского советоведения с особой очевидностью проявился в связи с пропагандистской кампанией, имевшей целью дать бой коммунистической идеологии в период подготовки к празднованию 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Размах этой кампании в США был беспрецедентным. Как отмечал Генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл, «никакая другая годовщина не вызывала такой лавины книг, специальных изданий журналов, статей в газетах, публикуемых на первых полосах изо дня в день, недели за неделей, посвященных ей программ радио и телевидения, специальных лекций и курсов в колледжах, дебатов и речей...».⁹⁶ Многочисленные издания⁹⁷ были рассчитаны на то, чтобы соответствующим образом настроить общественное мнение в США. Не было недостатка и в претепциозных заявлениях ведущих специалистов, которые оптимистически оценивали движения буржуазной историографии, но одновременно призывали пересмотреть старые концепции, сказать новое слово в изучении истории Октября.

Увы, итоги этого «изучения» оказались неутешительными, что вынуждены были признать и сами американские советоведы в ряде статей, посвященных изучению Октябрьской революции в странах Запада. Дж. Биллингтон, взявший на себя нелегкую задачу выяснить все точки зрения на русскую революцию 1917 г. и дать о них представление западному читателю, обнаружил тот «удивительный и огорчительный факт, что такая многочислен-

⁹⁴ Lens S. *The Futile Crusade*. Chicago, 1964, p. 14.

⁹⁵ Kennan G. *Fifty Years of the Russian Revolution*. — *Foreign Affairs*, 1967, vol. 46, № 1, p. 10, 20.

⁹⁶ Правда, 1967, 2 ноября.

⁹⁷ Ulan A. *Bolsheviks: The Intellectual and Political History of the Triumph of Communism in Russia*. N. Y., 1965; Thompson J. *Russia. Bolshevism and the Versailles Peace*. Princeton, 1966; Daniels R. *Red October*. N. Y., 1967; Tompkins S. *Triumph of Bolshevism: Revolution or Reaction?* Norman, 1967; Avrich P. *The Russian Anarchists*. Princeton, 1967; Rabinowitch A. *Prelude to Revolution*. Bloomington, 1968; Tade R. *The Russian Search for Peace, February—October 1917*. Berkley, 1969; *The Russian Revolution. An Anthology*. N. Y., 1970; Senn A. *The Russian Revolution in Switzerland*. Madison, 1971; Pethybridge R. *The Spread of the Russian Revolution*. N. Y., 1971; *Revolution and Politics in Russia*. Bloomington, 1972; а. о.

ная и хорошо субсидируемая область исследований произвела так мало работ, отличающихся научной основательностью и добротностью». ⁹⁸ Правда, и вклад самого автора статьи, выявившего целых шесть точек зрения на Октябрьскую революцию и разделяющего так называемую «ироническую» концепцию революции, также нельзя отнести к достижениям западной историографии. Мысль Биллингтона о том, что к «новому пониманию русской революции» можно придти через «глубокое чувство иронии», может также вызвать глубокое чувство иронии.

Невысокого мнения о научном уровне западной историографии Октябрьской революции и Р. Уорс, опубликовавший в 1967 г. на эту тему большую статью. ⁹⁹ Его оптимистическое заявление относительно того, что буржуазные ученые будут всегда доминировать в изучении русской революции, никак не вяжется с содержащейся в его статье довольно критической оценкой итогов развития западной историографии за 50 лет. Уорс указывает на отрицательное влияние, которое оказала на западную литературу об Октябре в первые годы политика капиталистического мира по отношению к Советской России. Он не скрывает также того, что «холодная война» часто вторгалась в западную историографию Октябрьской революции. ¹⁰⁰ Критически обзрев достижения американских историков в изучении России 1917 г., он приходит к выводу, что книга У. Чемберлина «Русская революция», опубликованная еще в 1935 г., до сих пор не превзойдена современными историками на Западе и «все еще остается образцовой работой по истории революции и гражданской войны» в России. ¹⁰¹ Это суждение следует рассматривать скорее как упрек современной буржуазной историографии Октябрьской революции, а не как комплимент У. Чемберлину. ¹⁰² Тот факт, что «Русскую революцию» У. Чемберлина продолжают переиздавать в США ¹⁰³ и других капиталистических странах, свидетельствует прежде всего о низком научном уровне работ, выходящих сегодня на Западе по истории Октябрьской революции. Этот неприятный для современного буржуазного советоведения факт вынуждены были отметить американские историки в своих ре-

⁹⁸ Billington J. Six Views of the Russian Revolution. — World Politics. 1966, vol. XVIII, № 3, p. 458.

⁹⁹ Warth R. On the Historiography of the Russian Revolution.

¹⁰⁰ Ibid., p. 248, 264.

¹⁰¹ Ibid., p. 259.

¹⁰² Оценку книги У. Чемберлина «Русская революция» (Chamberlin W. The Russian Revolution 1917—1921. Vol. I—II. N.Y., 1935) в советской историографии см.: Милиц И. И. Основные этапы изучения истории Великой Октябрьской социалистической революции за рубежом. — В кн.: Зарубежная литература об Октябрьской революции. М., 1961, с. 23—24.

¹⁰³ N. Y., 1952; N. Y., 1965; N. Y., 1971.

цензиях на вышедшие в США к 50-летию Октября «юбилейные издания».¹⁰⁴

Поток вышедшей в США литературы, приуроченной к юбилею Октября, не мог, таким образом, скрыть того очевидного факта, что американское советоведение еще раз показало свою неспособность противостоять марксистской историографии Октября. Так называемый новый подход к проблемам русской революции, в котором проявился отказ части буржуазных историков от примитивных лобовых атак на Великий Октябрь, прежде всего отказ от идеи «случайности», не способен вывести буржуазное советоведение из тупика, в котором оно оказалось с первых своих шагов.¹⁰⁵ К тому же наряду с этим «новым подходом» достаточно громко прозвучали и откровенно старые, гальванизированные концепции о «конспиративном заговоре большевиков», «волевом насилии», об «отсталости» России для социалистической революции и еще многие, взятые из идейного арсенала меньшевиков и троцкистов.¹⁰⁶

Анализируя современное состояние американского советоведения, необходимо привлечь во внимание изменяющийся климат в американской исторической науке в целом. Будучи на самом ее правом крыле, американские советоведы тем не менее не могут не считаться с теми процессами, которые происходят в американской историографии. Г. Аптекер отмечает, что в настоящее время в американской исторической науке наметилось течение, которое ставит под сомнение основные мифы периода «холодной

¹⁰⁴ См.: Adams A. New Books on the Revolution. Old Wine in New Bottles. — Russian Review, 1967, vol. 26, № 4; Avrich P. New Books on 1917. — Russian Review, 1968, vol. 27, № 2.

¹⁰⁵ См. об этом: Гапоненко Л. С., Сахаров А. П., Соболев Г. Л. Великий Октябрь и его современные буржуазные критики. — Вопросы истории, 1969, № 1, с. 6—17.

¹⁰⁶ Характеристику современной буржуазной историографии Октябрьской революции см.: Араб-Оглы Э. Социалистическая революция и псевдореволюционное мифотворчество. — Мировая экономика и международные отношения, 1967, № 7; Шевлягин Д. 50 лет Советской власти и бессилие ее критиков. — Коммунист, 1967, № 16; Яковлев П. П. Всесилие Октября и бессилие американской советологии. — Мировая экономика и международные отношения, 1967, № 9; Микелли П. П. Социально-экономические результаты Октября и буржуазная историография. — Вопросы истории КПСС, 1967, № 11; Салов В. И. Современная буржуазная историография Великой Октябрьской социалистической революции. — Вопросы истории, 1967, № 11; Чубарьян А. О. Буржуазная историография Октябрьской революции. — Вопросы истории, 1968, № 1; Черняк Е. Б. Антикommунизм и ультраеврей оппортунизм об историческом опыте Октября. — Вопросы истории КПСС, 1968, № 11; Минц И. И. Извращение истории Великой Октябрьской социалистической революции идеологами антикоммунизма. — В кн.: Ленинизм и борьба против буржуазной идеологии и антикоммунизма на современном этапе. М., 1970: Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков. М., 1971; Голиков Г. П. Великий Октябрь: правда истории и вымыслы «советологов». — Коммунист, 1972, № 5; Зародов К. И. Исторический опыт Октября и банкротство его критиков. — Вопросы истории КПСС, 1973, № 2; Игрицкий Ю. И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории. М., 1974.

войны», сознательно отвергает аксиомы классической буржуазной историографии о том, что массы эксплуатируемых и угнетенных не могут быть предметом исследования.¹⁰⁷ Знаменателен и тот факт, что в 1969 г. Американская историческая ассоциация посвятила памяти известного историка У. Дюбуа специальную сессию, на которой с докладами выступили и историки-коммунисты. Для того чтобы оценить значение этого факта, надо вспомнить, что в период разгула маккартизма У. Дюбуа был арестован как «незарегистрированный иностранный агент» и что никто из американских буржуазных историков не посмел выступить в его защиту.¹⁰⁸ А в 1970 г. президент Американской исторической ассоциации, выступая на ее годичном собрании, специально отметил, что членами ассоциации состояли такие ученые, как У. Дюбуа и Г. Аптекер, и выразил надежду, что такие историки будут всегда в ее рядах.¹⁰⁹

Ярким показателем кризиса буржуазной идеологии и происходящего поворота в настроениях ученых и американской общественности в целом является растущий интерес к идеям марксизма-ленинизма. Это процесс отчетливо проявился к середине 60-х годов. Как писал в 1966 г. Г. Аптекер, «никогда за последние тридцать лет не было столь серьезного, глубокого и широкого интереса к марксизму, к социализму, который проявляется сейчас в американских колледжах, университетах, научных учреждениях и среди лиц свободных профессий».¹¹⁰ С. Хук, являющийся, по определению Г. Парсонса, «ведущим философским противником коммунизма в Америке»,¹¹¹ с беспокойством пишет о наступлении небывалого периода в интеллектуальной жизни Запада, «когда многочисленные представители интеллигенции испытывают столь глубокий интерес к идеям Маркса или считают себя марксистами».¹¹² Если иметь в виду, что в разгар «холодной войны» ведущие ученые отказывались говорить в университетских аудиториях о коммунизме из боязни прослыть «красными», то этот поворот в настроении американской научной общественности станет особенно очевидным. Но надо также постоянно помнить, что в период разгула маккартизма представители прогрессивной общественной мысли, и прежде всего коммунисты, не смирились с реакцией и продолжали в труднейших условиях отстаивать передовые идеи.¹¹³ Как справедливо отмечает Г. Аптекер, «их

¹⁰⁷ Apthecker H. Cold War Liars and New Historians. — Political Affairs, 1971, № 8, p. 92, 94.

¹⁰⁸ Ibid., p. 90.

¹⁰⁹ American Historical Review, 1971, vol. 76, № 1, p. 7.

¹¹⁰ Аптекер Г. Некоторые тенденции в идеологической жизни США. — Проблемы мира и социализма, 1966, № 10, с. 31.

¹¹¹ Парсонс Г. Лепин и философская мысль США, с. 63.

¹¹² Hook S. Marxist Ideology in the Contemporary World. N. Y., 1966, p. 1a.

¹¹³ См. об этом: Скворцов Л. В. Борьба марксистов США против идеологии антикоммунизма. — В кн.: Против империалистической идеологии антикоммунизма. М., 1965.

отказ опустить знамя разума, демократии и радикализма сослужил службу, истинное значение которой еще предстоит полностью оценить».¹¹⁴

В начале 60-х гг. усилиями группы прогрессивных философов Б. Данэма, А. Манка, С. Миллера, Г. Парсонса, Дж. Сомервилла в рамках Американской философской ассоциации было создано Общество по изучению диалектического материализма, а в 1962 г. был основан журнал «Советские исследования в области философии» для публикации переводов на английском языке статей из советских философских журналов.¹¹⁵

Глубокий интерес в США к коммунистической идеологии во многом связан с неспособностью буржуазного общества решить те сложные социальные проблемы, которые во весь рост встали в 60-е гг. Подчеркивая растущее внимание американской философской мысли к марксизму-ленинизму, Г. Парсонс пишет, что «условия для этого внимания очевидны. Глубокие конфликты и кризисы в американской жизни требуют ускоренных поисков выхода. Одними мыслью Ленина рассматривается в этой связи с надеждой и верой, для других она средоточие ужасов. Эти два полярных отношения к ленинской философии, несомненно, будут развиваться бок о бок по мере развития антагонизма между социальными группами в Соединенных Штатах».¹¹⁶

В результате изменившейся обстановки в США и поворота в настроениях американской научной общественности стало возможным открытие в 1964 г. в Нью-Йорке Института марксистских исследований.¹¹⁷ По словам директора этого института Г. Аптекера, он был организован «с целью поддержки и поощрения марксистского и радикального образования в Соединенных Штатах и оказания помощи в организации разумных дискуссий о марксистском мышлении, проведения осмысленного диалога между марксистскими и немарксистскими учеными и писателями».¹¹⁸ Институт марксистских исследований в короткий срок установил научные контакты с 70 университетами и колледжами страны, в его работе участвуют около 500 ученых, в том числе такие видные историки, как Г. Аптекер и Ф. Фонер, философы Р. Коен, Г. Парсонс, Г. Селзам, Д. Струик и др.¹¹⁹

Важной формой работы Института марксистских исследований стало проведение симпозиумов, с помощью которых амери-

¹¹⁴ Аптекер Г. Некоторые тенденции в идеологической жизни США, с. 30.

¹¹⁵ Сомервилл Дж. Марксистская философия и некоторые аспекты политической жизни США. — Вопросы философии, 1967, № 10, с. 136.

¹¹⁶ Парсонс Г. Ленин и философская мысль США, с. 71.

¹¹⁷ О работе института см.: Фонер Ф. Институт марксистских исследований в США. — Проблемы мира и социализма, 1967, № 7; Никитин В. А. Американский институт марксистских исследований. — Новая и новейшая история, 1967, № 4.

¹¹⁸ Аптекер Г. О природе демократии, свободы и революции, с. 8.

¹¹⁹ Парсонс Г. Ленин и философская мысль США, с. 70.

канские марксисты стремятся «превратить односторонние обвинения в диалог и содействовать развитию такого диалога между учеными-марксистами и немарксистами».¹²⁰ На состоявшемся в 1964 г. первом симпозиуме «Марксизм и демократия» основным докладчиком выступил Р. Коеп. Целый ряд дискуссий по актуальным проблемам марксизма был организован Институтом марксистских исследований и в последующие годы.¹²¹

Примечательно, что инициаторами проведения симпозиумов, посвященных проблемам марксизма, выступают и целый ряд университетов, и в этом проявилось не только стремление представителей реакционной буржуазной идеологии воспрепятствовать всеми средствами распространению марксистского мировоззрения, но и желание широких кругов научной общественности глубже самим разобраться в тех вопросах, в толковании которых они раньше предпочитали полагаться на апологетов антикоммунизма. В апреле 1966 г. Индианский университет организовал международный симпозиум «Маркс и западный мир». По свидетельству Г. Аптекера, «это было не собрание охотников за ведьмами. Это была встреча ученых, искренне интересующихся этой темой».¹²²

В марте 1970 г. кризисное состояние буржуазного советоведения обсуждалось на годичном собрании Американской ассоциации содействия славяноведению, где с докладом «Будущее исследований в области советских проблем в США» выступил один из самых авторитетных специалистов — профессор Колумбийского университета М. Шульман.¹²³ В этом докладе прозвучали скромная оценка «достижений» американского советоведения, неудовлетворенность его невысоким научным уровнем, беспокойство по поводу его дальнейшей судьбы. Американское советоведение, говорил М. Шульман, «приближается к периоду стесненных обстоятельств, и потому мы обязаны подумать о наших направлениях и порядке исследований». По его мнению, главная задача советоведения в США на современном этапе состоит не в погопе за количеством специалистов и выпускаемой печатной продукции, а в повышении уровня подготовки кадров и исследований.¹²⁴ В конечном итоге, заявил М. Шульман, «именно качество исследований и преподавания, а не их количественная сторона, будут иметь решающее значение».¹²⁵

Необходимость улучшения подготовки специалистов по советским проблемам подчеркнул и профессор Дьюкского универси-

¹²⁰ Фонер Ф. Институт марксистских исследований в США, с. 92.

¹²¹ См., например: *Marxism and Christianity. A Symposium*. Ed. by H. Aptheker. N. Y., 1968.

¹²² Аптекер Г. Некоторые тенденции в идеологической жизни США, с. 32.

¹²³ Shulman M. *The Future of Soviet Studies in the United States*. — *Slavic Review*, 1970, vol. 29, № 3.

¹²⁴ *Ibid.*, p. 582.

¹²⁵ *Ibid.*, p. 588.

тета Дж. Кертисс, выступивший в 1970 г. со своего рода итоговой статьей о развитии в США исследований в области истории России и СССР.¹²⁶ Кертисс предупредил своих коллег, что в перспективе «ученый с ограниченной подготовкой может найти лишь ограниченные возможности для своего успеха». Правда, по его мнению, пока это не должно вызывать у них серьезной озабоченности. «Шестая часть земного шара, которой мы занимаемся (то есть СССР), — нишет он далее, — не утратит своей важности и в будущем, и каждый может взять на себя смелость предсказать, что в услугах специалистов по русской истории все еще будут нуждаться».¹²⁷ Правда, Кертисс воздержался от уточнения вопроса о том, кто именно в США будет нуждаться в этих специалистах, ибо с постановкой этого вопроса неизбежно возникал и другой: в услугах каких специалистов будут в дальнейшем нуждаться в США? Если говорить о сторонниках «холодной войны», позиции которых в США еще достаточно сильны, то вряд ли нужно пояснять, в услугах какого рода специалистов они заинтересованы. У передовых же кругов американской общественности на успех может рассчитывать лишь тот, кто своими объективными работами по истории СССР будет способствовать взаимопониманию двух великих народов, а не их разъединению, к чему так стремилось реакционное буржуазное советование в период «холодной войны».

Переговоры на высшем уровне, и в особенности визиты Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в США, как и Владивостокская встреча, заложили хорошую основу для нормального развития советско-американских отношений, знаменуют поворот от конфронтации к мирному сосуществованию и взаимовыгодному сотрудничеству двух великих держав, от «холодной войны» к разрядке международной напряженности. Как отмечал Л. И. Брежнев в своем докладе XXV съезду КПСС, «переход от „холодной войны“, от взрывоопасной конфронтации двух миров к разрядке напряженности был связан прежде всего с изменениями в соотношении сил на мировой арене».¹²⁸ Утверждение принципов мирного сосуществования на мировой арене происходит в острой идеологической борьбе, в которой оголтелый антикоммунизм терпит одно серьезное поражение за другим, падает в состоянии постоянного глубокого кризиса, нашедшего, в частности, свое отражение и в современном американском советоведении.

В этих условиях наиболее дальновидные представители американского советоведения начинают сознавать необходимость

¹²⁶ Curtiss J. Russian History in the United States.

¹²⁷ Ibid., p. 29.

¹²⁸ Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС XXV съезду КПСС. Очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1976, с. 19.

учитывать в своей деятельности новый климат советско-американских отношений, открыто выступают против грубо сконструированных концепций периода «холодной войны». Показательной в этом отношении является опубликованная в сентябрьском номере «Славик ревью» за 1973 г. статья профессора Колумбийского университета А. Даллина «Пристрастия и заблуждения в американских исследованиях об СССР».¹²⁹ Тот факт, что автором этой статьи выступает один из ведущих «советологов», в свое время сам активно участвовавший в разработке основных постулатов американского советоведения,¹³⁰ говорит о многом. Теперь же А. Даллин признает, что представления американцев о Советском государстве и Октябрьской революции начиная с 1917 г. были полны невежества и непонимания, в подтверждение чего он приводит в своей статье многочисленные примеры. И даже те, кто имел возможность быть информированным, как например государственные деятели и журналисты, отмечает Даллин, вплоть до середины 50-х гг. продолжали предсказывать неизбежность свержения советской власти или ее падения в результате «политических и экономических ошибок».¹³¹ «Ну а чем были лучше профессионалы?», — задает далее резонный вопрос американский профессор. Отвечая на этот вопрос, он констатирует «постоянные неудачи в попытках понять и объяснить советскую реальность — ее прошлое, настоящее и будущее».¹³² И хотя Даллин неоднократно оговаривает, что не собирается преуменьшать «достижений» американского советоведения, он призывает своих коллег «чаще упражняться в критике и самокритике».¹³³ Если обратиться к работам только «наиболее авторитетных и плодovitых авторов», — продолжает Даллин, — то и у них можно найти «примечательную коллекцию гипотез и утверждений, от которых пришлось позднее отказаться в виду их полной несостоятельности».¹³⁴ Он указывает на целый ряд созданных американскими советологами стереотипов и моделей (как, например, «тоталитарный режим»), которые настолько не соответствуют действительности, что, по его мнению, пришло время от них отказаться.¹³⁵ Многим искаженным представлениям о советской действительности, — самокритично признает Даллин, — американские советологи были обязаны самим себе и тем пристрастиям, которые они «неумно заимствовали» из своего политического окружения. «Если это так, — пишет он в заключе-

¹²⁹ Dallin A. Bias and Blunders in American Studies on the USSR. — *Slavic Review*, 1973, vol. 32, № 3, p. 560—576.

¹³⁰ См., например: Dallin A. *German Rule in Russia*. N. Y., 1957.

¹³¹ Dallin A. *Bias and Blunders...*, p. 560—561.

¹³² *Ibid.*, p. 562.

¹³³ *Ibid.*, p. 562.

¹³⁴ *Ibid.*, p. 564.

¹³⁵ *Ibid.*, p. 569—575.

ние, — то тогда большая осведомленность и большая склонность к альтернативным интерпретациям должны стать первым условием для избежания подобных неудач в будущем».¹³⁶

Указывая на «пристрастия и ошибки» как на главные причины хронической болезни американского советоведения, его ведущие представители предпринимают отчаянные попытки вывести буржуазное советоведение из глубокого кризиса, но эти попытки в конечном итоге обречены на провал в виду полной несостоятельности исходных позиций антикоммунизма.

¹³⁶ Ibid., p. 576.